

ПРОЛОГ

Катись, катись, яблочко наливное, по блюдечку по серебряному, — негромко приговаривала ведьма Малфрида.

Она сидела под нависающими лапами старой ели, куда почти не проникал отблеск догоравшего весеннего заката. Зато от этого в густом полумраке отчетливее стал заметен появившийся в середине лежавшего перед ней серебряного блюда свет. По кромке блюда само собой катилось и вращалось небольшое румяное яблоко. Совершая оборот, оно загоралось все ярче, его лучи озаряли склоненное лицо молодой ведьмы, ложились голубоватым свечением на ее резко очерченные скулы, на нос с легкой горбинкой, на отливавшие желтизной глаза с узкими, как у ястреба, зрачками. Малфрида всматривалась, что же покажется в освещенном круге внутри блюда... но ничего не видела. Так, мелькали какие-то блики, но ни одного образа не возникло. А должен бы появиться! Ведь это диво дивное — серебряное блюдо и заговоренное яблоко — могло показать все, что угодно: и дальние страны, и ближние места, и тех, кого захочешь увидеть.

Над головой ведьмы, среди темных ветвей старой ели, громко закаркал ворон. Самого его в сумраке и не разгля-

дишь, лишь глаз посверкивает из тьмы беловатой искрой. Зато карканье его прерывистое походило на недобрый старческий смех. Да он и был очень стар, этот ворон, вернее кудесник, который так давно принял облик птицы, что и забыл уже, как вновь приобрести человеческий вид. Но серебряное блюдечко и волшебное яблочко принадлежали ему исстари, он таил это диво от всех, был его владельцем, мог глядеть в него, видеть все, что пожелает. Это была единственная радость кудесника-ворона, которой он ни за что не стал бы делиться с кем бы то ни было, но Малфриде уступил: она знала заветное слово-заклинание, против воли которого он не мог пойти. Вот и позволил ей взглянуть на свое бесценное сокровище. Зато теперь, когда у ведьмы ничего не получалось, ворон каркал, будто насмешничал.

Малфрида не обращала на него внимания. Набрала в грудь побольше воздуха, сил внутренних колдовских прибавила и вновь повторила:

— Катись, катись, яблочко наливное, по блюдечку по серебряному!..

Сила в ней забурилась, черные волосы взмыли, завились, зашевелились, и будто искры по ним пошли, вспыхнули, затрещали. Яблочко катилось само, в аккурат по кромке серебряного блюда с уже почти стершимися, потемневшими от времени завитками чеканных узоров. Оно казалось очень древним, а яблоко, наоборот, таким свежим, словно совсем недавно налилось соками. Хотя лет ему было... веков... немало.

Вдруг ворон перестал каркать. Наблюдал сверху, как заколебался идущий из блюда свет, замелькали какие-то смутные видения, еще нечеткие, но с каждым мигом становившиеся все яснее.

Малфрида обрадовалась. Получается! Теперь бы только успеть сказать:

— Катись, катись, яблочко наливное, по блюдечку по серебряному! Покажи мне страны дальние, заморские,

покажи людей дивных, таких, о которых мне не известно ничего.

И показались же! И странные островерхие строения, едва ли не до неба уходившие ступенчатыми гранями, земля песчаная, смуглые люди с обмотанными тканями головами, сидящие на странных животных, длинноногих и горбатых. Потом вдруг промелькнули каменные башни на скалах, скачущие по тропе всадники в странных клетчатых юбках, голоногие, с рыжими, развевающимися на ветру волосами. А затем возникла уже иная картина: плывущие среди необычайно пышных растений на узких лодках голые темнокожие люди с короткими и курчавыми, как шерсть ягненка, волосами, с широкими носами в пол-лица. И родит же где-то земля таких уродцев! Но задумываться особо было некогда, образы появлялись и исчезали, все быстрее и быстрее, даже в глазах зарябило. Малфрида поняла, что не справляется она с дивом, не успевает давать указания, вот оно и навалило на нее столько видений. Ей же надо приказать ему, уточнить, пока от мельтешащих картин голова не пошла кругом. И она произнесла торопливо:

— Покажи мне нечто странное и необычное, что в миру есть, но скрыто от других.

Яблочко катилось по кругу, показывало... То, что такого не бывает, так это вряд ли. Хотя лучше бы и не было. Ибо увидела она горящие строения, пронсящих на лохматых лошадках всадников, мечущихся, перепуганных людей. Их пытались защитить витязи, да только падали они, гибли. А потом дымом все заволкло. И из дыма стал подниматься человек — огромный, со страшными ранами по всему телу, от которых кровь так и сочилась сквозь порванную кольчугу. Рука его висела, как неживая, но вот он пошевелил ею — и она будто приросла. Странный человек вскинул голову. Его искаженное лицо было бледным, глаза белесо горели из-под упавшей на чело длинной рыжей пряди. Пошатываясь, воин-великан пошел сквозь клубы дыма,

пока навстречу ему не вынесся один из всадников в лохматой шапке и с саблей. Сперва он смотрел на идущего к нему рыжего будто с удивлением, потом стал раскручивать аркан, уже и петлю бросил... Витязь с удивительной ловкостью поймал веревку на лету, сильно дернул, так что всадник даже вылетел из седла. Завизжал... и особо сильно стал голосить, когда рыжий богатырь с горящими глазами подхватил его, будто мешок с тряпьем, будто в том и весу было, как в синице. Испуганный пленник попытался было отбиваться, но недолго: рыжий тряхнул его легко, а потом вдруг быстро оторвал ему голову, отбросил. А сам стал лакать бьющую фонтаном струю крови, даже урчал от удовольствия.

Малфрида повела плечом. Не то чтобы испугалась, но гадко как-то сделалось. Нет, лучше пусть ей покажут что-то иное... или кого-то иного. Кого бы она с радостью повидала?

— Ты, диво дивное, чудо чудное, яви мне образ мужа моего милого, любезного!

Из обводимого яблоком по блюду круга повеяло теплым закатным светом. Вот, уже лучше. Малфрида даже заулыбалась, узнав песчаный откос берега над Днепром, недалеко от града Любеча. А вон и тропинка вьется от реки в сосновый бор, где стояла их с Малком усадьба. Сейчас она и его самого увидит — Малка Любечанина, с которым прожила в супружестве без малого одиннадцать лет. И в ладу они жили, так ей казалось... Хотя и понимала, что не всякий муж будет счастлив с такой, как она, — беспокойной ведьмой, какую не удержишь в доме обычными бабьими хлопотами, какую то и дело тянет уйти в дальние края, чтобы вновь и вновь пробовать свои силы, вновь учиться заклинаниям и чародейству, постигать колдовскую премудрость. Однако Малк ее всегда отпускал. А она, пометавшись по лесам, чащам и болотам безлюдным, по пределам далеким, вновь начинала тоско-

вать по нему, возвращалась. И опять они жили как обычные люди, в ладу и согласии, детей воспитывали — Малушку-красавицу и подрастающего умника Добрыню. Правда, это были ее дети, не Малка, но лучшего отца она бы им и не пожелала. И вообще, был Малк такой, такой... Лучше его во всем мире широком не было!

— Мужа хочу увидеть! Покажи мне его, диво дивное!

Она склонилась ниже и уже стала различать сквозь блики закатного света силуэт приближающегося мужчины. Однако едва разглядела, улыбка на ее лице застыла. Не ее это супруг! Этот был более рослый и широкоплечий мужчина, чисто витязь. Ну, так витязь и есть — в высоком шлеме островерхом, в поблескивающем чешуйчатом доспехе до колен, корзно¹ синее за плечами ниспадает. Да это же Свенельд! Воевода варяжский, который и впрямь одно время был ее мужем, но давно это было. Разошлись уже их судьбы, много все эти годы она своим супругом величала — Малка Любечанина, лекаря и ведуна известного. А глупое блюдечко ей Свенельда мужем указало! Вот тебе и диво дивное, чудо чудное, а на поверку — самое что ни на есть глупое. Чародейка Малфрида по стоячей темной воде и то лучше поворожить могла и углядеть что надо! Правда, там больше сил прилагать нужно, дольше ждать, больше ворожить и труднее рассмотреть. Да и зря, что ли, она искала по своему ведьмовскому любопытству это диво — чародейское блюдо с яблоком?

Потому упрямо повторила:

— Катись, катись, яблочко, да не дури! Мужа хочу своего увидеть! Покажи! В том моя воля!

Но опять среди красноватых в лучах заката сосен появлялся Свенельд, приближался. Можно было уже различить его выразительное лицо под позолоченным ободом шлема, аккуратный нос, зеленые, чуть раскосые глаза под

¹ Корзно — накидка, застегивающаяся на плече.